



[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Михаил ЛЕРМОНТОВ

(1814-1841)

*Валерий СУХОВ*

## «Я ПРЕДУЗНАЛ МОЙ ЖРЕБИЙ...»

В творчестве М. Ю. Лермонтова мотив предсказания – один из самых распространённых. Поэт рано и обострённо осознаёт свою избранность, которая проявляется в способности предвидеть будущее. Ощущение трагичности собственной жизни объяснялось тем, что лермонтовская «пророческая тоска» была полна предчувствий ранней смерти. В стихотворении «1831-го июня 11 дня» юноша Лермонтов уже всё предсказал: «Я предузнал мой жребий, мой конец, / И грусти ранняя на мне печать; / И как я мучусь, знает лишь творец... / Смерть моя / Ужасна будет; чуждые края / Ей удивятся, а в родной стране / Все проклянут и память обо мне». Именно в ранней лирике стал определяться один из главных лермонтовских мотивов, получивший развитие в его стихах последних лет жизни.

В стихотворении Лермонтова «Завещание» (1840) на смену условным и исполненным трагизма романтическим переживаниям, характерным для юношеских стихов, приходят раздумья, которые отражают эволюцию отношения к неминуемому уходу из жизни: «Наедине с тобою, брат, / Хотел бы я побыть: / На свете мало, говорят, / Мне остаётся жить!» Обращаясь к другу, умирающий воин просит сообщить тем, кто его помнит в России, печальное известие «...Скажи им, что навывлет в грудь / Я пулей ранен был; / Что умер честно за царя / Что плохи наши лекаря / И что родному краю / Поклон я посылаю». Рассказывая о судьбе смертельно раненного офицера, Лермонтов с поразительной глубиной и достоверностью выражает чувства простого человека, а не исключительного романтического героя. Так проявляется гуманизм поэта и его способность выйти за пределы собственной трагической судьбы и по-философски воспринять приближение неумолимой смерти как общей участи. Таким образом, в лермонтовской лирике «провиденциальное ощущение» скорой смерти преодолевается всепобеждающим чувством любви к жизни. Не случайно после слова «жить» Лермонтов в стихотворении «Завещание» ставит жизнеутверждающий восклицательный знак.

Незадолго до своего трагического ухода из жизни Лермонтов создаёт стихотворение «Сон» (1841), в котором мотив предвидения смерти тесным образом связан с мотивом сна – предсказания. Хронотоп стихотворения чётко выверен автором. Свою предполагаемую гибель он изображает именно там, где шли самые ожесточённые сражения с горцами:

В полдневный жар в долине Дагестана  
С свинцом в груди лежал недвижим я;

Глубокая ещё дымилась рана,  
По капле кровь точилась моя.

Философ Владимир Соловьёв отмечал: «Лермонтов не только предчувствовал свою роковую смерть, но и прямо видел её заранее». Мотив сна о собственной физической смерти тесным образом переплетается с мотивом «смерти духовной», связанным с разочарованием в жизни. В связи с этим особый смысл обретает лермонтовское стихотворение «И скучно, и грустно» (1840) с его саркастическим скепсисом и суровым самоосуждением: «В себя ли заглянешь? – / Там прошлого нет и следа: / И радость, и муки, и всё там ничтожно...» Созвучно трагическому душевному настрою поэта звучал заключительный вывод с его горьким признанием: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, – / Такая пустая и глупая шутка...»

Трагическое мироощущение Лермонтова проявляется и в элегии «Выхожу один я на дорогу» (1841), которая вся построена на контрастах и антитезах. Её отличает особая интонация, передающая сложные переживания мятущегося романтического «я» лирического героя, трагизм одиночества которого противопоставляется гармонии окружающего Божьего мира. Для Лермонтова осознание близкой смерти связано с ощущением глубокого духовного кризиса, о котором напоминают особые тягостные чувства и размышления. Пророческая экзистенциальная «тоска» терзает душу поэта. Лермонтов выражает её в риторических вопросах: «Что же мне больно и так трудно? / Жду ль чего? Жалею ли о чём?» Разочарованный в жизни, о которой он нисколько не жалеет, поэт с горечью признаётся: «Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть». Лермонтов в духе романтической традиции, с её характерным двоемирием, построенном на резком контрасте реальности и мечты, заявляет: «Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть! / Но не тем холодным сном могилы... / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб дыша, вздымалась тихо грудь». Важно отметить то, что у Лермонтова жизнь ассоциируется прежде всего с дыханием, то есть с жизнью души, с духовными устремлениями. Поэтому поэт мечтает заснуть, но не «сном смерти», а «сном жизни». Это чудесное состояние представляет из себя нечто среднее между жизнью и смертью. Это момент экстатического прозрения поэта – пророка, который чувствует себя частью Вселенной и способен услышать, как «звезда с звездой говорит».

В этой элегии Лермонтов связывает своё духовное возрождение с чувством любви к женщине и с символом вечной жизни – деревом. Лермонтовский дуб – своеобразный символ бессмертия, воплотившие в себе мечту поэта о победе жизни над смертью. Поэтому лирический герой Лермонтова мечтает о том, чтобы ему «про любовь» «сладкий голос пел». При этом песня о любви должна сливаться с шумом дуба – олицетворяющего мифологический образ «древа жизни»:

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,  
Про любовь мне сладкий голос пел,  
Надо мной чтоб, вечно зеленея,  
Тёмный дуб склонялся и шумел.

Поэтическое мироощущение Лермонтова формировалось не без влияния традиций славянской мифологии. Поэтому он связывает мотив пути-дороги с образом древа жизни. Дерево как метафора дороги, как путь, по которому можно достичь загробного мира, – общий мотив славянских поверий. Так начало лермонтовской элегии «Выхожу один я на дорогу» логично завершалось по кольцевому принципу композиции символическим обращением к образу древа.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод: в поэзии Лермонтова мотив предсказания трагической гибели был одним из доминирующих. Начиная с ранней лирики, поэт

акцентирует внимание на мысли о роковой неотвратимости своей смерти в молодом возрасте. Лирический герой Лермонтова воспринимает жизнь в трагическом свете, что в немалой степени парадоксальным образом определяет его поразительное жизнелюбие, которое объясняется мощным напором страстной натуры гениального поэта. Именно поэтому в лермонтовской лирике полный трагической обречённости мотив предсказания своей смерти преодолевается всепобеждающим чувством любви к жизни.

Осип Мандельштам в статье «Скрябин и христианство» писал: «...Смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено... Она служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной». «Смерть Поэта» Михаила Юрьевича Лермонтова, предсказание которой стало «сквозным» мотивом его творчества, можно считать и его «последним творческим актом». При этом необходимо подчеркнуть, что сбылось и другое лермонтовское предсказание: именно после своей ранней смерти он обретает бессмертие.

Но верю им! – неведомый пророк  
Мне обещал бессмертье, и, живой  
Я смерти отдал всё, что дар земной.